

“ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК?”

ОТВЕТЫ БОРИСА ГРИГОРЬЕВИЧА ЮДИНА

© 2018

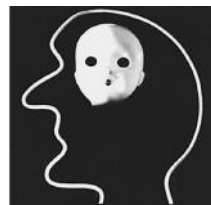
DOI: 10.31857/S023620070000723-2

П.Д. Тищенко

Исследование творческого наследия Б.Г. Юдина имеет фундаментальное значение для современной философской антропологии, философии науки и биоэтики. Естественно, что в зависимости от собственных философско-методологических установок интерпретатора результат его “беседы” с Б.Г. Юдиным (автором опубликованных текстов) будет различным, что в равной степени свидетельствует и о богатстве его идей, и о сложности проблем, которые он обсуждает. Одной из таких проблем и для него, и для всего философского сообщества была и остается “вечная” проблема — *что есть человек?*

С самого начала следует учесть принципиально важное обстоятельство — *вопрос “Что есть человек?” является не чем-то внешним, не рядоположным со всеми остальными вопрошаниями о мире, космосе, живой и неживой природе, но фундаментальной характеристикой человеческого бытия как такового. Человек — это особого рода существо, которое, в отличие от других, озабочено вопросом о смысле своего существования. Если у человека и есть какой-либо “центр”, какая-то сохраняющаяся при всех исторических изменениях “сущность” или “идентичность”, то подобного рода центр как раз и занимает эта проблема, на протяжении веков озадачивающая человека, направляющая его на путь философских, богословских или научных исследований и... ускользающая от любых окончательных решений.*

В этом постоянном ускользании коварно прокладывает себе путь *становление* как необходимая характеристика собственно человеческого бытия. Коварно постольку, поскольку “что” в вопрошании “что есть?” сулит нечто истинное, устойчивое, равное себе (идентичное), закономерное или вечное. Как только это “что” обретено в философском усмотрении, богословском исповедании или научном открытии, то его претензия на всеобщность начинает сразу же оспариваться с позиции иных пониманий обоснованности философского усмотрения, бого-

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

**Тищенко
Павел**

Дмитриевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. Постоянный автор журнала.
Электронная почта: pavel.tishchenko@yandex.ru

словеского исповедания или научного открытия. Обретенное понимание “что” ввергает разум в стихию нескончаемого в истории спора, в стихию полемоса¹. Можно сказать, вопрос “что есть?” — это библейское яблоко, плод искушения и грехопадения в историю нескончаемых разногласий.

Вспомним бл. Августина — пока меня не спрашивают: “что есть время?” — я *наивно знаю*, что оно собой представляет. Но как только буду спрошен, сразу обнаружится — не знаю. И это “не знаю” уже на протяжении многих сотен лет остается неким “сухим остатком” упорных попыток дать искомый ответ. То же и с проблемой человека. Каждое из поколений философов, богословов или ученых получает в наследство от предшественников “не знаю”, что есть человек, вместе с неумным желанием познать, но... и ничего иного последующим поколениям не передает. Только *частное*, разделяемое немногими, предположение, новую конфигурацию сомнений и спора...

С моей точки зрения, в философии Б.Г. Юдина читатель может найти ответ на вопрос “что есть человек?”, который обладает несколькими достоинствами, отличающими его от традиционных подходов в философской антропологии. Во-первых, он прекрасно понимает изначально *особенный* характер своих теоретических предположений. Во-вторых, и вопрос, и ответ для Б.Г. Юдина имеют не отвлеченный, а чисто практический смысл, рождающийся как насущный в реальных человеческих ситуациях, которые он обозначил как “предельные” или “пограничные”. В-третьих, обладая достаточной точностью и обоснованностью, его подход к проблеме человека концептуализирует фундаментальную неопределенность и нестабильность человеческого бытия, включает в него эффекты становления. В концепции *антропогенных фазовых переходов* он описывает *нестабильные* границы человека как природного существа, постепенно *становящегося* собственным *артефактом*, преодолевая грань между искусственным и естественным. В концепции *технонауки* и *биоэтики* Б.Г. Юдин ставит проблему человека как субъекта современных специфических форм познания, переосмысливая классическое понимание ответа на вопрос “Что можно знать?” (и что значит это “знать” в современной науке) и долженствования — “Что должно делать?”, исходя из фундаментальных различий в нашем понимании добра и зла. В основе его ответа на третий кантовский вопрос, который мной не будет специально рассматриваться — “на что можно надеяться?” — лежит в философии Б.Г. Юдина, полагая, *вера в науку* и особую роль критической философской рефлексии, без которой научный прогресс не может реализовать свою гуманистическую миссию.

Таков самый общий абрис проблемного поля философской антропологии Юдина. Начну его исследование с вопроса о стиле философского письма.

¹ Полемос (полем) (греч. битва) — в греческой мифологии олицетворение войны, бог битвы, спутник бога войны Ареса.

В литературоведении различают стиль и манеру письма. Манера — это некоторая совокупность “общих мест”, внешних особенностей устной или письменной речи, которую мы не-приметно осваиваем и присваиваем, следуя “духу времени”, философской или литературной моде. Манеры ориентируют нас в мире слов и вещей, перед которыми еще не поставлен вопрос — “что это такое?”. В мире *как если бы* известном всем по умолчанию... Пройдя школу редакторского мастерства, Б.Г. Юдин усвоил хорошие манеры грамотно выстраиваемой, отчетливой русской философской речи. Более того, он внес свой вклад в формирование новых манер философствования, став одним из зачинателей обсуждения проблем философии и этики науки на языке, освобожденном от штампов марксистской диалектики...

Стиль в философии представляет собой способ сопряжения “общих мест” языка и принятых норм логического рассуждения с личной авторской позицией, его неповторимым, как отпечаток пальцев, способом связи смысла и слова в горизонте основополагающего вопрошания — “что это такое?”. В стиле смысл ответа еще не выражается, но он пред-*полагается* как установка (диспозиция) говорящего или пишущего как в отношении *того, о чем идет речь*, так и в отношении речи *автора и адресата*.

С этой точки зрения, стилистика философской речи Б.Г. Юдина может быть охарактеризована такими двумя основными чертами, как демократизм (антиавторитаризм) в обращении к другому и утонченное, почти “гаптическое” (тактильное) ощущение сложности человеческого мира. Можно сказать, специфический ответ философии Б.Г. Юдина на вопрос “Что есть человек?” — интонирован стилистикой его речи, без учета которой понимание этой специфики невозможно...

Со сложностью философской стилистики Б.Г. Юдина мы сталкиваемся, как только попытаемся понять его “в целом”. Сложность в том, что сам он избегал каких-либо обобщенных характеристик своего творческого подхода. Простой, доступный даже неспециалистам язык его публикаций может породить иллюзию, что понять сказанное им можно, не замечая фундаментальных философских предпосылок, лежащих в основании подобного рода простоты. Его тексты — айсберги, у которых есть как видимая всем надводная часть, так и подводная, неприметная без дополнительной интерпретации. Попробую сделать небольшой шаг, конечно, предварительный, в изучении глубин его философской позиции, связанных именно со стилистическими особенностями его речи...

Я думаю, что целостность его текстов обеспечивает не некий предполагаемый общий смысл, из которого можно dedu-

цировать конкретные выводы, а реальные проблемы, порождаемые научно-техническим прогрессом, которые в этих текстах обсуждаются. Причем обсуждение проблем в его текстах практически никогда не приводит к их разрешению, а скорее — к углублению и фундаментализации проблематичности. Не важно, пишет ли Б.Г. Юдин о биоэтике, биотехнологическом улучшении человека или технанауке, практически нигде читатель не найдет окончательных решений, выводов, сформулированной “морали”. Он пишет так, чтобы донести до читателя не пришедшую ему в голову сверхценную мысль (своих мыслей у него было, конечно же, с избытком), а скорее — голоса реальных спорщиков, их неустраимые и нередуцируемые к каким-либо обобщениям точки зрения. Пытается засечь эффекты становления на нестабильных границах человеческого бытия.

Б.Г. Юдин категорически отказывается от авторитарной позиции и столь же авторитарного, строящегося по классическим моделям отношений учитель — ученик, языка философии 60-х годов прошлого века. В нем не было и намека на популярную среди известных философов-шестидесятников позу “вождя” или “гуру”, хотя по жизни, как зачинатель и безусловный лидер биоэтического движения в нашей стране, он на это имел полное право. В своем читателе или слушателе Б.Г. Юдин видел не ученика, а потенциального коллегу, партнера, который имеет полное право решать самостоятельно — что хорошо, а что плохо, что надо сделать или не сделать в конкретной ситуации. Задача автора — показать *сложность проблемы*, визуализировать перед читателем многообразие ее философских решений, обратить внимание на те риски, с которыми связаны обсуждаемые в литературе конкретные решения, действия и бездействия, понимания и непонимания. Смысл философского послания — не рецепт того, как нужно жить, действовать или понимать, а информация к размышлению, чрезвычайно полезная тому, кто захочет и сможет действовать и мыслить самостоятельно. Такой, как мне представляется, была установка Б.Г. Юдина как автора, определившая характерный стиль его письма, в котором демократизм, учитывающий сложность мира человеческих коммуникаций, органично сочетался с проблемоцентризмом. Охарактеризовав особую стилистику философской речи БГЮ, попытаюсь наметить в ней некоторую регулятивную идею, которая живет в этой речи как проблема, загадка, привлекающая его внимание, принуждающая его мыслить и направляющая мысль в путь в поисках разгадки загадки — “что есть человек?”.

Что значит знать? Объяснять мир и/или изменять?

В качестве такой регулятивной идеи можно рассматривать его понимание мышления как *антитезы* деятельностного преобразования и теоретического отображения реальности. В 60-е

годы идея мышления как деятельности получила многочисленные интерпретации в работах советских философов и психологов. Естественно, все эти интерпретации так или иначе тогда выводили свою родословную из Маркса, ближайшим образом из “Тезисов о Фейербахе”. Б.Г. Юдин отмечал, что к этой марксистской идее он приобщился под влиянием своего брата Э.Г. Юдина и Г.П. Щедровицкого, в кружке которого начиналось его философское образование. В последнее десятилетие жизни Б.Г. Юдина понимание знания не как отображения реальности, а как способа ее преобразования (изменения, проектирования и конструирования) вступило в плодотворный диалог с концепцией технонауки, которая была досконально разработана им на примере биомедицинских технологий улучшения человека. Можно сказать, что с первых шагов в философии до последних дней внимание Б.Г. Юдина к деятельностной интерпретации знания и сознания было обращено не как к готовому понятию, некоей универсальной отмычке, а как к проблеме, над осмыслением которой он продолжал напряженно думать.

Напомню, что Маркс в “Тезисах о Фейербахе” использует такие оппозиции: предмет в форме объекта созерцания — предмет в форме чувственной (революционной) деятельности, практики, то есть субъективно; истинность как вопрос теории — истинность как практический вопрос; философы до сих пор объясняли мир — дело в том, чтобы его изменить. В решении, которое предлагает Маркс и которое радикально доосмысляет Г.П. Щедровицкий, истинной представляется революционная, преобразующая природу из естественного факта в искусственный артефакт, изменяющая мир деятельность. Как считал Б.Г. Юдин: «Различение “естественного” и “искусственного”, как оно проводится у Г.П. [Щедровицкого. — *Авт.*], — на мой взгляд, одна из его наиболее глубоких и далеко идущих идей. Оно проходит красной нитью через все его творчество. Оно становится в высшей степени актуально сегодня и — я уверен — в последующие годы будет все более значимым и все более проблемным» [4, с. 21].

В этой небольшой, но чрезвычайно емкой цитате необходимо услышать сразу несколько взаимосвязанных суждений Б.Г. Юдина. Во-первых, в отличие от Г.П. Щедровицкого, ценной “идеей” для него является не понятие “искусственного” и тем более не противоположное понятие “естественного”, а их “различие” — смысловая антитеза. Во-вторых, различие у Г.П. Щедровицкого обсуждается, но в решении проблемы редуцируется к понятию искусственного, спроектированного. Для Б.Г. Юдина *идея как различие* искусственного и естественного раскрывает не родовое понятие, а существенную для понимания глубин мира и самого человека постоянно до- и переосмысляемую антитезу. Причем по мере исследования ценность этой идеи растет одновременно с углублением ее проблем-

ности. Проблема — это парадоксальная рациональная *пограничная* форма знающего незнания. Здесь явная отсылка к сократическому “знаю, что ничего не знаю”. И именно в этой форме она оказывается сегодня в “высшей степени актуальной”.

Таким образом, обсуждая идею деятельностного подхода и соглашаясь с основными установками деятельностного понимания знания и познания, Б.Г. Юдин вместе с тем вносит весьма существенное дополнение. Он обращает внимание на амбивалентность или антитетичность, существующую в сознании современного человека, который продолжает желать покорить природу, превращая ее в искусственную конструкцию, но при этом, одновременно, настойчиво стремится защитить еще непокоренный природный мир от самого себя как покорителя в национальных парках, заказниках, заповедниках и т.д., отчетливо сознавая, что созданный им же самим искусственный мир несет свои угрозы, не менее опасные для его физического, психического и морального выживания, чем дикая природа, пугавшая революционных философов в конце XIX — первой половине XX века.

В работах последних лет Б.Г. Юдин неоднократно обсуждал эту тему, стараясь позиционировать свое понимание относительно представлений Маркса и Щедровицкого, который практику трактовал как технологическую, проектную деятельность. Как всегда у Б.Г. Юдина, обсуждение стилистически предстает как осторожное опробование различных вариантов решения, отслеживание и оценка возможных выводов из сделанных предпосылочных суждений.

В частности, обсуждая философские проблемы биотехнологического улучшения человека, он выделяет следующие, насыщенные мощными ценностными зарядами аспекты оппозиции естественного и искусственного. Прежде всего естественное предстает как неодомащенное, дикое, неконтролируемое человеком, неразумное, несущее ему угрозу. Естественное — как чужое в существе человека. В этом случае искусственное — это разумное, контролируемое, одомашненное. Это свое, родное — то, на что можно положиться в нестабильном мире.

Далее. естественное — это то в человеке и окружающем мире, что создает основу нашего существования, его разрушение в безмерной жажде контроля и эксплуатации несет, как демонстрируют экологи и медики, угрозу человеческой цивилизации. Естественное репрезентирует в нашем опыте гармонию мира, предмет возвышенных созерцаний, природную нормальность. Тогда искусственное предстает как случайное, одностороннее, разрушительное, патогенное.

Следующий аспект, который углубляет антитетику искусственного и естественного, связан с различием ценностей изменения и сохранения, с отношением к миру *натуралиста* и *естествоиспытателя*. Эту антитезу он обсуждает на примере воззрений Гёте.

Подробно и обстоятельно обсудив различные смысловые и ценностные позиции и оппозиции, которые группируются вокруг антитезы искусственного и естественного, Борис Юдин не дает окончательного ответа, но использует для пояснения возможного решения физическую метафору принципа соответствия, согласно которому новый тип науки, называемый им *технонаукой* и выражающий, с его точки зрения, общую марксистскую установку на действие и преобразование в современной исторической ситуации, может включать классическое понимание науки и научных знаний как отображений предстоящей перед человеком объективной реальности в качестве частного случая. Не простое противопоставление деятельности — созерцанию, а интерпретация созерцания в качестве частного случая деятельностного отношения к реальности.

Добавлю от себя, — в пользу такого решения свидетельствует опыт попыток современного человека справиться с экологическими проблемами. Защищая природу, человек волей-неволей превращает ее в свое произведение, отслеживает изменения в ней, поддерживает определенные балансы. Например, пытаясь сохранить природную среду в национальных парках, человек тщательно выверяет естественные, с его точки зрения, отношения между хвойными и лиственными деревьями, между лесом и подлеском, подлеском и лугом и т.д., всегда вторгаясь в экосистему (вырубая одни растения, высаживая другие), если контролируемые параметры начинают отклоняться от некоторой им же установленной нормы. В сегодняшнем мире “дикая природа” оказывается результатом деятельности человека, *артефактом* современного производства, искусственно созданным “естественным” предметом. В этом смысле “естественное” становится разновидностью “искусственного”.

Более того, современное *естество*-знание работает в значительной степени не с природными объектами, а с объектами искусственно, фабрично произведенными, стандартизированными и закупленными на стремительно развивающемся рынке технологий и объектов научных экспериментов (приборов, химреактивов, тестов, компьютеров и программ, источников излучения, лабораторных животных, клеточных культур и т.д.). Возникает новый тип науки, предполагающий новый тип ученого. К примеру, в биологии на смену естествоиспытателям и натуралистам XIX века пришли биотехнологи. Причем знание, полученное ими при исследовании объектов-артефактов, считается наиболее объективным и достоверным отображением природной реальности. Еще в 60-х годах виварии медицинских и биологических НИИ были заполнены животными, отловленными на улице или в “дикой” природе. Сегодня они (животные) производятся высокотехнологичными производственными, неразвитость которых в нашей стране вносит свой вклад в технологическое отставание.

Эти примеры призваны разъяснить преобразование, которое в понимании Б.Г. Юдина претерпевает антитеза искусственного и естественного, сформулированная Г.П. Щедровицким на основе марксистского понимания деятельностной природы человеческого сознания. Не отрицание противоположности как ложного сознания, а включение в качестве частного случая — таков, как мне представляется, его подход. Не окончательное решение, а углубление проблемности человеческого мира, раскрываемой антитезой естественное — искусственное.

С этим уточнением возможно утверждать, что регулятивной идеей философской антропологии Б.Г. Юдина *выступала радикально переосмысленная им концепция* деятельностной природы знания, сознания и познания. Регулятивная в том смысле, что он никогда в обсуждении проблем не начинал с нее как общей идеи для дедукции и обоснования своих выводов. Но, пытаясь понять им сказанное, эту регулятивную идею полезно учесть, *как если бы* она была предпосылкой его суждений.

Что мы должны делать?

В биоэтике, которую Б.Г. Юдин рассматривал как важнейший узел современной технонауки, вопрос о морально обоснованных границах использования биомедицинских технологий адресуется не только отдельному человеку (философу или богослову) или сообществу единомышленников (“нам” как православным, или нам как атеистам), но сообществу разномыслящих, верящих разным богам и придерживающихся разных философских точек зрения гражданам. Поэтому ответ строится (вспомним регулятивную идею) не как мысленное отображение неких “вечных” истин религии или философии, но как коллективное (коммуникативное) действие, как создание (конструирование) нормы, релевантной в конкретных ситуациях. Например, ответ на вопрос о моральной допустимости аборта в биоэтике решается не как личное усмотрение в себе всеобщего морального закона или выражение своей веры (этот аспект остается в дискуссиях как личная предпосылка каждого из диспутантов). Он появляется в результате междисциплинарных, и даже трансдисциплинарных (поскольку активной стороной выступают обычные люди — *lay persons*), обсуждений и согласований, которые как бы прочерчивают линию между еще не человеческим существованием (в этой области нет человека и не применим принцип “Не убий!”) и уже человеческим существованием, когда этот принцип применим в полной мере.

Биомедицинские и современные информационные технологии постоянно проблематизируют эти границы, ставя их под вопрос, а следовательно, границы человека постоянно меняют-

ся. Роль философа в биоэтике не объяснять мир человека, а участвовать вместе с другими экспертами и обычными людьми в его изменении.

Смысловым “центром” биоэтики как сложного феномена современной цивилизации становится *проблема* про-активной (опережающей) диагностики, оценки и менеджмента *рисков*, связанных с разработкой и практической реализацией биотехнологических инноваций. Причем не только тех рисков, которые касаются здоровья человека или состояния окружающей среды, но и тех, которые по своей сути являются социогуманитарными: моральных, антропологических, правовых, политических, экономических и т.д.

Можно отметить, что, начиная с Международного проекта “Геном человека”, стартовавшего в 1990 году, практически все крупные проекты в сфере биотехнологий сегодня включают в себя исследование этических, правовых и социальных проблем, связанных с реализацией этих проектов и возможным влиянием их результатов как на отдельного человека, так и на общество в целом. Б.Г. Юдин входил в этический комитет российской части этого проекта. Он же возглавил несколько исследовательских грантов по этическим и правовым проблемам геномных исследований. Выявление, обсуждение и решение подобных проблем выступало не чем-то внешним по отношению к собственно научным задачам реализации геномного проекта, но как его составная часть, поддерживаемая и финансируемая наряду с остальными, собственно биологическими исследованиями. Как неоднократно подчеркивал Б.Г. Юдин, социогуманитарное обеспечение биотехнологических проектов становится в современной науке имманентной частью самих этих проектов; тем самым более широким, можно сказать, — объемным, становится само понятие биотехнологий и науки.

Стилистика и регулятивная идея ответа на вопрос “что есть человек?”

Концептуальную особенность постановки и осмысления БГЮ проблемы человека наглядно демонстрирует следующий фрагмент его текста: “Мне хотелось бы обсудить такой фундаментальный вопрос: что есть человек? Конечно, я вовсе не намерен претендовать на то, чтобы дать какое-то новое определение человека — было бы верхом самонадеянности покушаться на это. Моя задача намного скромнее — я хочу зафиксировать тот факт, что развитие биомедицинских технологий делает этот извечный философский (а стало быть, как нередко считают, абстрактно отвлеченный) вопрос вполне прагматическим вопросом нашей повседневной жизни. С ним приходится сталкиваться не только исследователям, занимающимся разработкой новых биотехнологий, но и тем, кто эти

технологии использует, иначе говоря, рядовым гражданам, которым так или иначе приходится с ними соприкасаться” [3, с. 103].

Не случайно обсуждение философии Б.Г. Юдина начато мной с описания его стиля. Стиль определяет подход к проблеме. В данном случае подход к пониманию ответа на вопрос “что есть человек?” намечен двумя характеристиками — “скромностью” и отказом от “самонадеянности”. На первый взгляд, — простые житейские характеристики, проявления философской вежливости.

Однако, как уже отмечалось выше, антиавторитарность стиля определяет трансформацию его понимания пути продвижения к истине. Что значит “самонадеянность” в философском дискурсе? Это означает попытку в себе, в своей самости открыть безусловные основания истины, в том числе и истинного понимания человеческого бытия. В классической философии подобный поход рассматривался как самоочевидный. Гуссерль, к примеру, методом феноменологической редукции в своем “Я” пытается обнаружить безусловные основания истинного знания. М. Шелер использует гуссерлевский феноменологический метод для построения философской антропологии. Что остается на долю читателя? — позиция “ученика”, приобщающегося к философским откровениям “учителя”.

Стилистика Б.Г. Юдина исключает авторитарную позицию учителя. Другой — не ученик, которому ты должен раскрыть глаза на истинное обстояние дел, а такой же философ или ученый, как и ты.

Мне представляется, что в отказе от самонадеянности и в стилистике скромности имеет место перекличка с Ю. Хабермасом, который, обсуждая близкие Б.Г. Юдину проблемы эвгеники, характеризует свою философию как “постметафизическую” и “непритязательную”. Смыслы “скромности” у Б.Г. Юдина и “непритязательности” у Хабермаса близки друг другу. Философ отказывается от авторитарной претензии дать всеобщее определение человека или различения добра и зла. Его задача, если использовать язык Хабермаса, стать “фасилитатором” коммуникативного взаимодействия людей, так или иначе затронутых общей проблемой. В этом, можно сказать, заключается основная роль философа и философии в биоэтических дискуссиях. Лишь в совместном коммуникативном усилии, в совместных спорах и обсуждениях мы продвигаемся к некоторому общему пониманию истины и блага.

Причем отвергаются не содержательные *интерпретации* (они имеют свой *особенный* смысл), а *претензии* на то, что философ в своем внутреннем усмотрении может найти окончательный, *всеобщий* ответ. Наивное отождествление собственной частной перспективы рассуждения с некоторой самоочевидной позицией всеобщего разума доказало в современной философии

фии свою иррелевантность. “Пока философия верила в то, что она способна обозреть всю целокупность природы и общества, она хозяйничала в тех на первый взгляд твердо установленных границах, в которые вписывалась жизнь индивидов и сообществ. Структура космоса и человеческая природа, этапы всемирной и священной истории поставляли те пропитанные нормами факты, которые, как представлялось, давали также и объяснение правильной жизни” [2, с. 11–12].

Современная философия, которую Хабермас называет “постметафизической” и “непритязательной”, исходит из предположения культурного и индивидуального плюрализма. Предположение о всеобщей, одной на всех сущей перспективе истины или благой жизни, которое еще совсем недавно вдохновляло философское сообщество, обеспокоенное потерей “единства”, не просто поставлено под вопрос, но само как таковое воспринимается как угроза недопустимого вмешательства в право каждого человека «развивать этическое самопонимание для того, чтобы в соответствии с собственными возможностями и благими намерениями осуществлять в действительности персональную концепцию “благой жизни”» [там же, с. 12].

Поэтому для Б.Г. Юдина вопрос “что есть человек?” — не “абстрактный”, не вопрос философского умозрения, а чисто практический, адресованный не только философам, врачам и другим “экспертам”, но и простым людям. Практичность здесь надо понимать концептуально в связи с регулятивной идеей его философствования. Знания — не отображение, а деятельная форма преобразования реальности. Поэтому в вопросе “что есть человек?” надо “есть” понимать не как связь субъекта и предиката, а как своеобразный оператор преобразования одной формы “человека” в другую, то есть деятельно.

Постоянное преобразование образа человека происходит, по Б.Г. Юдину, в зонах онтологической нестабильности и неопределенности. Он выделяет четыре зоны неопределенности, в которых границы человеческого существования постоянно ставятся под вопрос успехами в развитии новых технологий, постоянно переопределяются. В принципе таких зон значительно больше, но четыре им рассматриваемые наиболее принципиальны. Он пишет: “Итак, каковы же эти зоны? Первая — это зона, которая располагается между жизнью и смертью индивидуального человеческого существа. Вторая зона предвещает рождение индивидуального человеческого существа. Третья разделяет (или, может быть, соединяет?) человека и животное. И четвертая — это зона, тоже, может быть, разделяющая, а может быть, объединяющая человека и машину” [3, с. 106].

В этих зонах идет напряженная работа, выражающая суть биоэтики, — путем экспертных, политических и общественных дискуссий и согласований формируется граница между миром *людей* и миром *вещей*. Живое существо, которое пересекает эту

границу, радикально меняет свой моральный и правовой статус. Возникает, ограничивается, или изымается его человеческая сущность.

Тем самым начало человеческой жизни из естественного факта превращается в сложный артефакт, в производстве которого участвуют и ученые, и медики, и философы, и богословы, и юристы, и обычные “люди с улицы”. Аналогичным образом, именно прогресс биомедицинских технологий превратил проблему смерти из естественного факта, над которым любили поразмышлять философы, в сложный артефакт, социальную конструкцию. В большинстве стран современного мира законодательно, после непростых профессиональных, политических и общественных обсуждений принята концепция смерти человека как смерти мозга. Внешне умерший с диагнозом смерти мозга мало чем отличается от других людей. Его сердце бьется, кожные покровы имеют обычный цвет, грудная клетка движется благодаря работе аппарата искусственного дыхания. Но он уже пересек границу между жизнью и смертью, между миром людей и миром вещей. Он из человека превратился в вещь, своеобразный набор “запчастей” (сердца, почек, печени, легких, поджелудочной железы... и даже лица!) для спасения путем пересадки органов больным людям...

Биомедицинские и другие современные технологии постоянно проблематизируют границы человека, ставят их под вопрос. Задача биоэтики путем фасилитации общественных, политических и профессиональных дискуссий способствовать временной стабилизации границ между миром людей и миром вещей путем их моральной и правовой регламентации. В этом специфический ответ биоэтики на вопрос — “что есть человек?”.

Концепция антропогенных фазовых переходов (разъяснение смысла термина)

Вместо заключения дам толкование использованного мной имени философско-антропологической концепции Б.Г. Юдина. Интерпретация с неизбежностью включает смысловое насилие. Разработав оригинальный ответ на вопрос “что есть человек?”, Б.Г. Юдин, это характерно для его стилистики, избегает дать название своему концептуальному подходу. Понимая, что в информационных потоках, ориентирующихся на выделение “ключевых слов”, концепция без собственного названия может попросту раствориться, я рискнул дать ей название — “концепция антропогенных фазовых переходов”.

Мной используется слово “концепция” в том смысле, которое оно приобрело в работах С.С. Неретиной и А.П. Огурцова [1]. В отличие от теорий, строящихся на предполагающих всеобщность понятиях, ядром концепций выступают “концепты” как смыслопорождающие проблематизирующие

начала, в которых сохраняются стилистические, интонационные личностные установки автора. Прилагательное “антропогенный” для меня включает двусмысленность антитетики искусственное — естественное. Это то, что производится самим человеком (точка зрения искусственного), и то, что является специфической “естественно-исторической” (воспользуюсь термином В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона) формой антропогенеза (точка зрения естественного). Вопрос “Что есть человек?” одновременно выражает человеческую природу, как она *есть*, и выступает своеобразным вечным двигателем ее (природы) преобразования. Словосочетание “фазовые переходы”, заимствованное из термодинамики в качестве метафоры в работах Б.Г. Юдина, используется для понимания синергетического характера антропогенных эффектов.

По Б.Г. Юдину, фазовый переход — “это обычно процесс быстротечный, характеризующийся нестабильным состоянием системы. Важное следствие такой нестабильности заключается в том, что зависимость между интенсивностью входных воздействий на систему и ее реакциями на эти воздействия бывает нелинейной, так что относительно слабые воздействия могут вызывать весьма серьезные последствия, вести к кардинальным изменениям состояния системы” [3, с. 103]. Фазовые переходы наблюдаются не только в естественных, но и социальных системах, не только в пространстве деятельности биотехнологий, но и в биоэтике. Исследование фазовых переходов имеет не только общетеоретическое значение, но и сугубое практическое. “Принимать во внимание специфику переходных процессов важно не только при изучении таких систем, но и при поиске эффективных технологий воздействия на них. Именно в этом во многом и заключены основания быстрорастущего в современной науке внимания к такого рода состояниям и ситуациям” [там же].

В этом терминологическое содержание концепции антропогенных фазовых переходов Бориса Григорьевича Юдина.

Литература

1. *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Концепты политической культуры. М.: ИФРАН, 2011.
2. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2002.
3. *Юдин Б.Г.* Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории. 2011. Т. V.
4. *Юдин Б.Г.* Точка зрения Искусственного // Навигатор. 2014.